

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

МОСКВА

УДК 398.2(477.75)
ББК 82.3(2)
Л38

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работ художника *Льва Лагорио*

Л38 **Легенды Крыма / Никандр Маркс.** — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-191144-7

Никандр Александрович Маркс (1861–1921) — генерал-лейтенант царской армии, археолог и фольклорист.

Впервые «Легенды Крыма» были напечатаны в газете «Утро России» в 1912–1913 гг. Крым был родовым гнездом писателя. Там, неподалеку от Кара-Дага, в Отузах, находился дом его предков. С каждым ущельем, с каждой горной вершиной связаны предания, которые переходили из уст в уста и бережно сохранялись местными жителями. Сборник погрузит читателя в удивительный мир крымского фольклора, уникальную культуру и традиции полуострова.

В книгу также вошла статья Максимилиана Волошина об авторе — «Путник по вселенным. Дело Н. Маркса».

УДК 398.2(477.75)
ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-04-191144-7

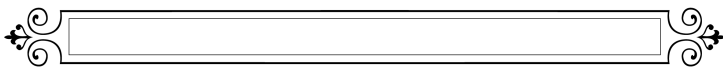
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

.....
————

Выпуск первый

————
.....

ОКАМЕНЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

Кохтебельская легенда

Взойдите на Отлу-кая и поглядите на Кохтебельский залив. Что за вид! Море синей эмалью врезалось в широкий, ласковый пляж и слилось на горизонте с лазурью южного неба. Как крыло чайки, бросившейся в волну, белеют паруса турецких фелюг, и дымок парохода убегает за дальний мыс Киик-Атлама.

Ушли все, и только один парус застыл на месте. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лет он не движется с места. Окаменел.

И моя мать рассказывала, бывало, в детстве, как это случилось.

Святая Варвара скрывалась в крымских горах. По пятам преследовал ее старый отец — Диоскур и, наконец, почти нагнал у Сугдеи.

Но не настало еще время Варваре принять мученический венец. Одна гречанка из Фул, не-

большого городка между Карадагом и Отузами, узнав, что гонимая — христианка, приютила ее у себя; укрыла на время от преследования. И случилось чудо. Сад гречанки, побитый морозом, вновь пышно зацвел, а глухонемой ее сын стал различать речь. Заговорили об этом кругом. Дошла весть и до язычника-отца. Догадался Диоскур, кто скрывается у гречанки, и ночью окружил ее дом.

Как была, в одной рубашке, бросилась Варвара к окну и, не замеченная преследователями, с именем Иисуса на устах бросилась в колодец. Поддержали упавшую Божии ангелы и отнесли подальше от Фул, к подножью Отлу-кая.

В эту ночь у Отлу-кая остановилась отара овец. Задремавший пастух, молодой тавр, был донельзя поражен, когда рядом с собой увидел какую-то полунагую девушку.

— Кто ты, зачем пришла сюда, как не тронули тебя мои овчарки?

И Варвара не скрыла от пастуха, кто она и почему бежала.

— Глупая ты, от своих богов отказываешься. Кто же поможет тебе в горе и беде? Нехорошее дело ты затеяла.

Но, заметив слезы на глазах девушки и как дрожит она от холода, пожалел ее, завернул в свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намерение у пастуха.

Прошептав святое слово, уснула Варвара под кустом карагача.

Раскинулись пышные волосы, разметалась вся, красавицей лежала.

И не выдержал пастух. Нехорошо поглядел на нее. Бросился к ней с недоброй мыслью, забыв долг гостеприимства. Бросился и... остолбенел, а за ним застыло и все стадо. Окаменели все. Только три овчарки, которые лежали у ног святой, остались, по назначению Божию, охранять ее до утра.

С первым утренним лучом проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокруг нее и по всему бугру, точно овцы, белели странные камни, и между ними один длинный, казалось, наблюдал за остальными. Жутко стало на душе девушки. Точно случилось что. И побежала она вниз с горы, к морскому заливу. Впереди бежали три овчарки, указывая ей путь в деревню. Удивились в деревне, когда увидели собак без стада. Не знала ничего и Варвара. Только потом догадались.

У деревни, в заливе, отстаивался сирийский корабль. Он привез таврам разные товары и теперь ждал попутного ветра, чтобы вернуться домой.

Донес ветерок до слуха Варвары родную сирийскую речь. Пошла она к корабленачальнику и стала просить взять ее с собой. Нахмурился

суровый сириец, но, поглядев на красавицу девушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробежала в голове.

— Хоть и нет у нас обычая возить с собой женщин, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нее дара предугадывать будущее.

Подул ветер от берега. Подняли паруса, и побежал корабль по морской волне.

Варвара зашла за мачту и сотворила крестное знамение. Заметил это корабленачальник и опять нехорошо улыбнулся: «Тем лучше!» — а потом позвал девушку к себе в каюту и стал допытывать: как и что. Смутилась Варвара и не сказала правды. Жил в душе Иисус, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; с моря надвинулась зловещая, черная туча; недобрым отсветом блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла она гнев Божий. На коленях стала молить простить ее. А навстречу неслась боевая триера, и скоро можно было различить седого старика, начальствовавшего ею. Узнала Варвара гневного отца; защемило сердце, и, сжав руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошел к ней корабленачальник. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучит ее старик, убьет за то, что отступилась от веры отцов.

Но вместо ответа сириец скрутил руки девушки и привязал косой к мачте, чтобы не бросилась в волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Он выручает!

Сошлись корабли. Как зверь, прыгнул Диоскур на сирийский борт, схватил на руки дочь и швырнул ее к подножью идола на своей триере.

— Молись ему!

А Варвара повторяла имя Иисуса.

— Молись ему! — И Диоскур ткнул ногой в прекрасное лицо дочери.

— За тебя молюсь моему Христу, — чуть слышно прошептала святая мученица и хотела послать благословение и злому сирийцу, но не увидела его.

Налетел бешеный шквал, обдал сирийский корабль пеной и точно белой корой покрыл его.

Налетел другой, и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на месте корабля выдвинулась из недр моря подводная скала, точно бывший корабль.

С тех пор прошли века. От камней Варварина стада немного осталось на прежнем месте. Новые люди повели по-иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменелый корабль остался недвижим.

Не дошел до него черед.

— Мама, — замечал я в детстве, — да ведь это просто подводная скала.

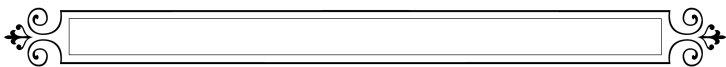
— Конечно так, мой мальчик. Подводная скала для чужих, а для нас, здешних, это народный памятник христианке первых веков.

ПОЯСНЕНИЯ

Легенду эту я слышал от моей матери — Зефиры Павловны Маркс из рода Ставра-Цирули, одного из древних насельников Феодосийской округи. Подводные камни, которые местные жители называют *Окаменелым Кораблем*, лежат в Кохтебельском заливе, между мысом Тапрак-кая и *мысом Киик-Атлама*. *Кохтебель*, нарождающийся курорт для интеллигента среднего достатка, лет двадцать назад представлял из себя пустынный пляж, верстах в двух от которого лежала бедная болгаротатарская деревушка того же имени. (В XIX в. от Феодосии по Судакскому шоссе.) Болгары пришли сюда при императрице Екатерине II, татары с начала XIII века, но местность эта была известна еще Плинию († 79 г.), по словам которого здесь некогда была пристань *тавров*, древнейших жителей Тавриды. Легенда об Окаменелом корабле в устах местных греков связана с именем *св. Варвары*. Как известно, св. Варвара (III век), сирийка по происхождению, действительно бежала от отца, который преследовал ее за принятие ею христианства, но в Крыму она никогда не

была; и если народное предание говорит именно о св. Варваре, то это показывает, насколько имя мученицы было популярно в горах Крыма. Быть может, легенду нужно приурочить к началу XII века, когда были перенесены из Византии в Киев мощи св. Варвары. *Отлу-кая* — небольшая гора по правую сторону шоссе из Кохтебеля в Отузы. У подножья ее продолговатое всхолмье, вершина которого до проведения шоссе в 90-х годах XIX столетия была окаймлена поставленными на ребро плитами, а по скату были разбросаны камни, напоминавшие издали стадо овец. Камни пошли на постройку шоссе, но местные жители до сих пор называют это место *Окаменелым Стадом*. Следует отметить, что на Керченском полуострове, недалеко от деревни Кызильхую, существует *овраг Окаменелых Овец*, но здесь в основе татарской легенды лежит наказание дочери за ее черную неблагодарность отцу. *Отара* — стадо (от — трава, ара — искать).

ЧЕРТОВА БАНЯ

Кадык-койская легенда

Не верьте, когда говорят: нет Шайтана. Есть Аллах — есть Шайтан. Когда уходит свет — приходит тень. Слушайте!

Вы знаете кадык-койскую будку? За нею грот, куда ходят испить холодной воды из скалы.

В прежние времена тут стояла придорожная баня, и наши старики еще помнят ее камни.

Говорят, строил ее один отузский богач. Хотел искупить свои грехи, омывая тела бедных путников. Но не успел. Умер, не достроив. Достроил ее деревенский кузнец-цыган, о котором говорили нехорошее.

По ночам в бане светился огонек, сизый, с багровым отсветом. Может быть, в кагане светился человеческий жир. Так говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью в пути, спешили обойти злополучное место.

Был даже слух, что в бане живет сам Шайтан.

Известно, что Шайтан любит людскую наготу, чтобы потом над нею зло посмеяться. Уж конечно, только Шайтан мог подсмотреть у почтенного отузского аги Талипа такой недостаток, что, узнав о нем, вся деревня прыснула от смеха.

Кузнец часто навещал свою баню и оставался в ней день-другой. Как раз в это время в деревне случались всякие напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась с распоротым брюхом, корова без вымени, а дикий деревенский бугай возвращался домой понурым быком.

Все шайтановы штуки! А может быть, и кузнеца. Недаром он так похож на Шайтана. Черный, одноглазый, с передним клыком кабана. Деревня не знала, откуда он родом и кто был его отец; только все замечали, что кузнец избегал ходить в мечеть, а мулла не раз говорил, что из жертвенных баранов на Курбан-байрам самым невкусным всегда был баран цыгана: хуже самой старой козлятины.

Кохтебельский мурзак, который не верил тому, о чем говорили в народе, проезжая однажды мимо грота, сдержал лошадь; но лошадь стала так горячиться, так испуганно фыркать, что мурзак решил в другой раз не останавливаться.

Оглянувшись, он увидел — он это твердо помнит, — как на бугорке сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чем лучше не рассказывать на ночь.

Впрочем, иной раз, как ни старайся, от страшного не уйдешь.

У Османа была дочь, и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственного глаза берег ее старый цыган. Однако любовь не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ с соседским сыном Меметом, знали лишь он да она. Только и подумать не смел Мемет послать свата. Понимал, в чем дело. И решил бежать с невестой в соседнюю деревню. Как только полный месяц начнет косить — так и бежать.

И смеялся же косой месяц над косым цыганом, когда скакал Мемет из деревни с трепетавшей от страха Сальгэ.

Османа не было дома. Он проводил ночь в бане. Пил заморский арак, от которого наливаются жилы и синеет лицо.

— Наливай еще!

— Не довольно ли? — останавливал Шайтан. — Слышишь скрип арбы? Это козский имам возвращается из Мекки... И грезится старику, как выйдет завтра ему навстречу вся деревня, как станут все на колени и будут кричать: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доехал!» И прежде чем кузнец подумал, Шайтан распахнул дверь. Шарахнулись волы, перевернулась арба, и задремавший было имам с ужасом увидел, как вокруг него зажглись серные огоньки. Хотел прошептать

святое слово, да позабыл. Подхватила его нечистая сила и бросила с размаху на пол бани.

Нагой и поруганный, с оплеванной бородой, валялся на полу имам, а гнусные животные обливали его чем-то липким и грязным. И хохотал Шайтан. Дрожали стены бани. То-то завтра будет смеху! На коленях стоит глупый народ, ждет своего святого, а привезут пья-нень-кого имама! Не стерпел обиды имам, вспомнил святое слово и очнулся на своей арбе, которая за это время уже отъехала далеко от грота.

— Да будет благословенно имя Аллаха, — прошептал имам и начал опять дремать.

А в бане хохотал Шайтан. Дрожали стены бани.

— Наливай еще! — кричал цыган.

— Постой! Слышишь, скачет кто-то! — И вихрем вынес нечистый приятеля на проезжую тропу.

Шарахнулась со всех четырех ног лошадь Мемета, и свалился он со своей ношей прямо к ногам Шайтана.

— А, так вот кого еще принесло к нам! Души его! — крикнул Шайтан, а сам схватил завернутую в шаль девушку и бросился с ней в баню.

Зарычал цыган и всадил отравленный кинжал по самую рукоять между лопаток обезумевшего Мемета.

А из бани доносился вопль молодого голоса. «Будет потеха, будет хорошо сегодня», — подумал цыган и, шатаясь, пошел к бане.

В невыносимом чаду Шайтан душил распростертую на полу нагую девушку, и та трепетала в последних судорогах.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватил цыган девушку железными руками, прижался к ней... и узнал дочь...

— Згне! — крикнул он не своим голосом слово заклятья.

И исчез Шайтан. Помнил уговор с Османом. Только раз цыган скажет это слово, и только раз сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отец!

Бросился Осман к гроту, а грот весь клубился удушливыми серными парами. И не мог пройти к воде Осман. Не знал второго слова заклятья. Упал и испустил дух.

Поутру проезжие татары нашли на дороге три трупа и похоронили их у стен развалившейся за ночь бани.

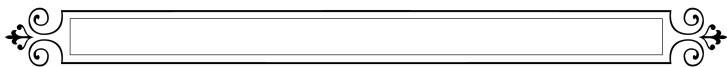
— Чертова Баня, — назвал с тех пор народ это место.

И я хорошо помню, как в детстве, проезжая мимо грота, наши лошади пугались и храпели.

Не верьте, если вам скажут: нет Шайтана. Есть Аллах — есть Шайтан. Когда уходит свет — приходит тень.

ПОЯСНЕНИЯ

Легенду рассказывал мне местный помещик Мефодий Николаевич Казаков, со слов отузских татар. *Кадык-койская будка* расположена на 23-й версте по шоссе из Феодосии на Судак. На бугре против будки виден след развалин *Шайтаны-хаман*. Раньше, до проведения шоссе, видны были развалины стен и печи. Шагах в тридцати от будки находится укрытый в лесняке красивый горный *грот* с чудной студеной водой. *Шайтан* — дух зла, изгнанный Аллахом из сонма ангелов за то, что он не хотел поклониться Адаму. С тех пор Шайтан мстит человеческому роду, толкая его на все, противное заповедям Аллаха. *Курбан-байрам* — праздник жертвоприношения. Он празднуется в течение четырех дней в двенадцатом лунном месяце года. К этому празднику каждый татарин запасается жертвенной овцой, которую в день праздника закалывает после молитвы муллы. Шкура и лучшая часть овцы идет мулле, кусок баранины — бедным, а остальное на дом. Татарин верит, что душа невинного жертвенного животного поможет душе жертвователя войти в обитель вечной отрады. Как известно, Магомет ввел этот вид жертвоприношения взамен существовавшего у арабов жертвоприношения детей. *Ага* — чиновное, должностное лицо. *Имам* — мулла, священник.

ШАЙТАН И КИЗИЛЬ

Татарское поверье

В Отузах есть поверье — в том году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зиме.

И доказывают это примерами, которые у всех на памяти.

А старики объясняют, почему это так.

Когда Аллах, сотворивший мир, окончил свою работу, на земле настала весна, и почки деревьев в саду земного рая стали одна за другой распускаться.

Потянулась к ним вся живущая тварь, и увидел Аллах, что необходимо установить порядок. Позвал Он всех к Себе и велел каждому выбрать какое-нибудь одно дерево или цветок, чтобы потом только им и пользоваться и не ссориться с другими.

Одни просили одно, другие — другое. Стал просить и Шайтан.